

КАК ВЫГЛЯДИТ СВОБОДА?

Ян Сокол

Ян Сокол (г.р. 1936) — известный чешский политический деятель (одним из первых подписал Хартию 77), философ, профессор Карлова университета в Праге. Основатель и первый декан Факультета гуманитарных наук Карлова университета. Занимается исследованиями в области философской антропологии, этики, религиоведения и антропологии права. Автор целого ряда книг, среди которых: (на чешском) *Etika, život, instituce*, 2014; *Moc, peníze a právo*, 2007; *Čas a rytmus* (2. vyd), 2004; *Filosofická antropologie. Člověk jako osoba* (2. vyd), 2002; (на английском) *Thinking about ordinary things*, 2013; (на немецком) *Philosophie als Verpflichtung*, 2014; *Mensch und Religion*, 2007.

Тот, кто хочет рассуждать о решениях человека, должен предполагать, что они на самом деле есть, иначе говоря — что человек свободен. Не без ограничений, разумеется, но все же настолько, чтобы принимать решения. Только вот благодаря этому мы еще слишком далеко не продвинулись в наших рассуждениях: в чем заключается эта наша знаменитая свобода? Перед вопросом о том, что «есть» свобода, философы в основном уже спасовали, но и о том, в чем она заключается, можно опять-таки бесконечно спорить. Но все же есть еще одна возможность: что если попытаться вовлечь в дискуссию наш опыт? Если хорошо постараться и точно уловить его, то он не такой уж и разный. В обычной жизни на нем можно достаточно легко сойтись. В таком случае не стоило бы попробовать более внимательно присмотреться, как на самом деле выглядит наш собственный опыт «свободы»? Когда мы ее испытываем, когда мы о ней не догадываемся и когда мы, наоборот, четко знаем, что именно сейчас нам ее не хватает?

Исходя из простой гипотезы о том, что и свободы бывают разные, что и свобода «называется по-разному» (если можно таким образом перефразировать Аристотеля), мы попытаемся показать три разных опыта свободы, как его, скорее всего, каждый из нас много раз испытал. Если нам удастся как следует уловить такой характерный опыт, то мы смогли бы также увидеть, как, собственно, выглядит свобода, а может быть, при этом выйдет наружу и то, как выглядит пространство свободы (или же свобод), в котором мы принимаем решения. О том же, на основании чего мы в нем *ориентируемся*, — о нраве, морали и этике — в этом кратком реферате мы сможем лишь упомянуть.

АРХИВ

Как это бывает и с многими другими вещами, человек впервые замечает свободу в тот момент, когда у него появляется чувство, что ему ее недостает. Это случается в переходном возрасте, когда молодой человек должен возвращаться рано домой и объяснять родителям, где он так долго был. Итак, первое понятие о свободе относительно простое – иметь собственные ключи от квартиры. Вот бы было здорово. Как ни странно, с этим понятием молодой человек просуществует долго. То, что его ограничивает, – это не только ключи и родители. Это и школа, и воспитание, и напоминания, и всевозможные общественные устои: одежда, прическа и волосы, речь и приветствия, музыка и танец – одним словом, все то, при помощи чего люди в обществе ежедневно показывают, что они принадлежат к этому обществу. В определенном возрасте молодой человек воспринимает их исключительно как ограничения, а значит и как что-то, от чего бы он хотел избавиться или хотя бы проверить, насколько важно это для его общества.

Через эту стадию «свободы переходного возраста» пройдет, наверное, каждый, и на каждого этот опыт наложит сильный отпечаток. Удивительно много людей обходится ею вплоть до пенсии, но также упорно она держится и среди интеллигенции и философов. Свободу как отсутствие принуждения, *устранение внешних препятствий* моих решений и действий можно найти и у массы мыслителей, которые изучали и изучают свободу. Как «вольность, высвобождение или освобождение из-под подчинения, избавление от внешних преград» ее часто определяют и научные словари. На памятниках свободы ее всегда воплощали (символизировали) разорванные кандалы и цепи. То, что эта идея привлекательна для молодых людей, лучше всего подтверждают рекламы. Так как те, кто их выдумывает, обладают знанием актуальной психологии своей «целевой группы» лучше, чем все академические эксперты вместе взятые. Достаточно просто смотреть и читать: «Максимум возможностей. Максимум свободы!», «Почувствуй вкус свободы!». На плакатах это могут быть скачущие юноши и девушки в невероятных позах или, скажем, загорелый ковбой с лассо вокруг шеи, который как раз спокойно отдыхает на скале посреди аризонской пустыни: никаких родителей или учителей, которые бы его окрикнули, повсюду раздолье, простор. Одним словом – свобода.

Стало быть, в том, что опыт устранения преград или принуждений действительно является опытом свободы, нет смысла сомневаться. Только вот человек, который ее вкусит, захочет постепенно усиливать ее, иметь больше и больше такой свободы. То есть он снова и снова будет искать «оковы», от которых он хотел бы избавиться. Но даже если бы он избавился от всех оков, то одна бы все равно осталась – это гравитация, которая притягивает нас к земле. От нее пока смогли избавиться только космонавты, которые так спокойно проплывают по просторам Вселенной. Но свободнее ли

они от этого? Едва ли. Дело в том, что и у свободы космонавта – так же, как и у свободы ковбоя в пустыне, – есть один недостаток. Как первый, так и второй хоть на самом деле и могут идти, куда захотят, но им это совершенно ни к чему: везде все одно и то же. Куда ни двинься, везде все так же пустынно и пусто, нигде ничего нет. Видимо, это не решение.

Второе, немного более замысловатое подобие свободы пытается обойти это ограничение: свобода – это *возможность выбора*. Выбор между разнообразными возможностями, которые хоть как-то отличаются. И этот опыт мы все хорошо знаем, потому как его в практически безупречной форме демонстрирует торговый дом или даже обыкновенный магазин самообслуживания. Масса различных вещей, и все они у вас под рукой. Достаточно выбрать, прикоснуться – и они ваши. Можно сказать, что самообслуживание – это психологически доскональное изобретение какого-то человека, который заметил, что для мигрантов в Америке, плохо говорящих по-английски, прилавок и продавец представляют собой неприятное препятствие. Поэтому он их убрал и благодаря этому добился неслыханного успеха. Тот же опыт свободы в большом торговом доме был, пожалуй, самым действенным аргументом в пользу западного «капитализма» против коммунистического общества. Люди, которые там, на Западе, вкусили эту свободу, твердо решили, что они хотят иметь ее и дома. И смутно предчувствовали, что возможность выбора в торговом доме как-то связана с возможностью выбирать на выборах. Будем надеяться, что они не ошиблись.

Тем не менее и опыт свободы как выбора человек хочет постепенно усиливать, так что и магазины самообслуживания становятся все больше и больше. На смену супермаркетам пришли гипермаркеты, где продавцам уже нужно ездить на самокатах. И все-таки бывает, что человек хочет купить там туфли, но возвращается домой с пустыми руками: «Там ничего не было». Разумеется, это явная неправда, туфель там сотни. Вот только у одних была плохая подошва, у других – цвет, третьи жали, а четвертые слишком дорогие. И к самому большому гипермаркету человек привыкает, и все ему кажется одинаковым – именно поэтому время от времени в нем нужно переставить, поменять товар местами. Впрочем, и перед выборами у нас бывает чувство, что среди избирательных бюллетеней не хватает одного – того, который мы хотели бы выбрать.

Значит, и свободу как выбор между определенными возможностями нельзя бесконечно усиливать, возможно, именно потому, что человеку надо выбирать между данными возможностями, приготовленными для него другими людьми. А нельзя этого как-нибудь избежать? Не мог бы человек приготовить их себе сам? С туфлями бы это, наверное, не вышло, но есть и другие возможности, известные нам всем. Одна из них – *игра*. Игра – это весьма своеобразный феномен, который нужно изучить более подробно. Она отличается тем, что от нее никто ничего не получает, что она никуда

не ведет и никому ничего не дает. Моралисты всегда предостерегали от нее и считали ее потерей времени, только на удивление нормальные люди их не слушали и с азартом играли. Дети так же, как и взрослые. И даже самые ужасные диктаторы не позволяли себе лишиться их этой забавы, а, напротив, точно знали, что кроме хлеба – это то единственное, что народу нужно, чтобы в стране было спокойно. Однако между детской игрой и театром, игрой на музыкальном инструменте и спортом и, наконец, картами и азартом на первый взгляд вообще сложно найти что-нибудь общее. Попробуем пойти окольным путем: что является противоположностью игры? Что не есть игра?

«Это никакая не игра, тут речь идет о жизни и смерти». В жизни речь действительно идет о каких-то значимых вещах, иногда и о самой жизни, но разве в игре – нет? Это может показаться только тому, кто никогда не играл ни в какую игру. Игрок, который не прилагает всех усилий и не воспринимает ее всерьез, только портит игру, а игра «просто так» (как говорят азартные игроки, «на спички») уже не игра. Но ведь тут есть одно отличие. Актер, умерший на сцене, завтра может спокойно умереть снова. Человек, проигравший в шахматы, не будет казнен как неуспешный полководец, а поменяет цвет фигур и начнет новую партию.

Игра не «жизнь», а жизнь, как утверждали романтики, скорее всего, тоже не игра, но они, несомненно, каким-то образом связаны друг с другом. Театральные пьесы произошли от религиозных мистерий, а они, в свою очередь, на глазах у всех раскрывали глубочайшую тайну жизни и мира. Возможно, игру делает игрой именно то, что она как будто переигрывает реальную жизнь, что это некая искусственная модель жизни и мира. Так же и игра на музыкальных инструментах, в сущности, создает некий искусственный «мир», в который ненадолго вступают музыканты и слушатели, чтобы избавиться от своей обычной жизни там, снаружи. Не говоря уже о театре или спорте.

Каждая игра строго ограничена – как в пространстве, так и во времени, – причем, как правило, уже заранее. Эти разграниченные пространство и время каким-то образом отделены от остального мира – белой полосой или занавесом, свистком или звонком. Хотя между «миром» игры и остальным миром есть масса сходств, но между ними нет никаких прямых связей: продавщица может играть королеву, а президент – рабочего, который катает бочки на пивзаводе. Когда они доиграют, они снова будут теми же, кем и были. В Древней Греции игроки носили на лице маски, чтобы их никто не путал с людьми, и еще сегодня теннисисты и актеры переодеваются, чтобы не быть «в гражданском». И только телевидение, которое с близкого расстояния смотрит актерам в лицо, устранило эту важную дистанцию, так что киноактер для нас и на улице – это «доктор» или «председатель» из сериала. Если человек одержит победу в теннисе или в шахматах над своим начальником, то это вовсе

не означает, что завтра он не должен будет его слушать: результат игры действителен только в ее мире и не выносится за ее рамки.

Таким образом, игра выделяется из остального мира и встает перед ним, как зеркало. Но что в этом хорошего? Что мы видим в этом зеркале? Уже в том, как игра отличается от «жизни», хорошо видно, как мы, будучи людьми, оцениваем свою жизнь, что для нас важно и что бы мы хотели изменить. Отделение при помощи времени и пространства подчеркивает, что здесь могло бы быть все по-другому, – не путайте игру с жизнью. Нет никакого перехода из одного в другое. Обязательства и обязанности из мира игры недействительны за ее пределами – и наоборот. Положение и привилегии непереносимы. Между ними нет ничего общего. Те из них, которые есть в игре, ничего не означают в «жизни», а «реальные» – в игре. Это значит, если ты играешь, не бойся быть свободным. Не бойся пробовать то, что умеешь. За то, что ты совершишь в рамках игры и ее правил, тебя никто не призовет к ответственности. Разбогатеешь ли ты в игре или обеднеешь – это не будет иметь никаких длительных последствий.

Каждый тип игры подчеркивает какие-то другие стороны жизни, предоставляет случай не только участникам, но и возможным зрителям или слушателям испробовать их на практике – не опасаясь последствий и к тому же в сильно идеализированных условиях. Рассмотрим это на примере, который известен каждому из нас, – на таких состязательных играх, как футбол, теннис или шахматы. Все они достаточно отчетливо «моделируют» борьбу в ее самой простой форме – один на один или желтые против синих. В этом случае выгода игры особенно очевидна: после настоящего боя изредка уходят с целым и здоровым телом. В игре, которая должна быть борьбой, конечно же, нужно бороться и телом, и душой, от первого гонга до последнего, но, когда она закончится, ничего не произойдет. Поэтому «боевые» игры могут позволить себе великолепную роскошь – правила. И хотя в настоящей борьбе все участники их бы тоже с удовольствием приняли, но кто бы их соблюдал? Победителю они не нужны, а тому, кто проигрывает, они не помогут. В игре на кону не стоит жизнь, а значит, в ней могут действовать правила и даже беспристрастный судья, который следит за их выполнением и всегда прав.

Таким образом, наличие правил и судьбы тоже отчетливо отличает игру от настоящей жизни. Возможности намного более ограниченные, а значит и ясные; к примеру, в шахматах их даже есть ограниченное (хоть и огромное) количество. Поверхностный наблюдатель бы мог подумать, что такие лимиты ограничивают и творчество, но все наоборот – человеческое творчество ничего так не возбуждает, как хорошие ограничения. Потому, например, эксперименты с большей шахматной доской ни к чему и не привели; в музыке подобную функцию выполняет тональная система или выбор возможных инструментов, причем и здесь, скажем, атональная музыка принесла с собой не новую эпоху, а, скорее, потерю

ясности. Кроме того, наличие правил и судьбы также подчеркивает бескомпромиссное стремление к справедливости – еще одно отличие от настоящей жизни. Ведь в упрощенных условиях правил некоторая справедливость возможна, причем интересно, насколько она важна для игры.

Разные игры также выражают и разное понимание справедливости. Так, при подсчете теннисных мячей проигравший игрок теряет и все свои успешные мячи, которые становятся не в счет, а с точки зрения дальнейшей игры абсолютно все равно, проиграл он с небольшим отрывом или остался «с нулем». То же самое касается и подсчета геймов и сетов. Такое понимание «справедливости» не смог бы принять никакой рационалист, ведь оно явно несправедливо: может случиться так, что выиграет тот, кто проиграл большинство мячей. Зато это сохраняет острые ощущения в игре: в каждой игре на кону стоит все. А еще такое понимание очень реалистично и учит игроков тому, что в настоящей жизни является практически правилом. Кроме того, оно родственно пониманию «справедливости» в мажоритарной британской избирательной системе, что, видимо, тоже не случайно.

Один из игроков всегда начинает, а второй – отвечает. Постоянное чередование наиболее очевидно, скажем, в шахматах или в марьяже, но в то же время и в теннисе и других играх. На этом примере игра демонстрирует то, что типично для каждого человеческого действия, – то, что можно было бы назвать «ограниченной свободой». Теннисист, который подает, обладает полной свободой выбора своего удара, в то время как его соперник уже получает тот мяч, который он сам не выбрал, и должен с этим как-то справиться. Если у него это получится, то теперь у него будет определенная свобода выбора, куда положить мяч, какое вращение ему придать и т.д. Аналогичным образом и в шахматах: белые начинают игру со свободы открыть ее, но уже на каждом последующем ходу это определяют также и черные. У каждого игрока есть свой общий план и стратегия, которые на шахматной доске постоянно наталкиваются друг на друга, так что активный план одного игрока становится для другого препятствием, которое нужно преодолеть, – и наоборот. Таким образом, каждый из них видит игру как непрерывное чередование моментов *выбора* – правда, в рамках данных возможностей и постоянно ограничиваемого соперником, – и моментов *ответа* на план, противостоящий ему и постепенно проявляющийся в ходах соперника.

Только первый ход белых абсолютно «свободный», все остальные уже частично вызваны ходами соперника. Поэтому начало игры дает игроку определенную выгоду, заметную, например, в теннисе (подача), где в связи с этим правила подачи особенно лимитирующие. Эта выгода затем компенсируется правилами в том, что игроки начинают игру поочередно или еще «закручивают», как в волейболе, и т.п. Мы уже говорили о столкновении свобод и о том, как человек мечтает протолкнуть свою свободу или же свести на

нет свободу другого. Именно эту сторону конфликта и борьбы отражают состязательные игры, а их популярность свидетельствует о том, что у них это хорошо получается. Так, благодаря использованию благоприятных обстоятельств игры как таковой, то есть в справедливой среде и без длительных последствий, люди могут неустанно переживать и упражняться в одной из основных черт своего существования – в столкновении свобод, которые наталкиваются и ограничивают друг друга, но в то же время и побуждают к лучшим результатам. Для игроков это зачастую еще важнее, чем сама победа: кто хочет «хорошо поиграть», выберет для себя равного соперника, а не начинающего или растяпу, которого просто победить. Тот, кто хочет выиграть, безусловно, должен что-то уметь, но, кроме того, он должен еще и быть удачлив: эту важную сторону акцентируют азартные игры, в которых человек играет не против кого-то, а против «случайности» или «судьбы».

* * *

На трех характерных типах опыта, нам всем хорошо знакомых, мы показали три типичные формы свободы:

- свободу как отсутствие препятствий;
- свободу как возможность выбора;
- игру как встречу и столкновение двух свобод, создающих и предлагающих друг другу свои возможности.

Мы показали, в чем лимиты первых двух форм свободы, потому как они себя исчерпывают и рано или поздно начинают надоедать человеку. Обратите внимание, что только в первой форме может показаться, что правила – это то же, что и препятствия. В зависимости от того, как человек понимает свободу, он будет хотеть и возвращать ее. В первой форме он будет устранять оковы и препятствия, во второй – расширять возможности выбора. Но только в третьей он увидит существенную разницу между препятствиями и правилами: нельзя играть без правил. Чем лучше правила и чем лучше судья, тем лучше будет и игра. Без правил игра бы разом выродилась: представьте себе, к примеру, футбол без правила положения вне игры. В этом смысле настоящая человеческая свобода всегда «ограничена», потому что ей обязательно нужны правила.

Взаимосвязь между игрой и свободным обществом не случайна, и это не простая метафора. Именно на игре люди испытывали, что с хорошими и строго взыскивающимися правилами не обязательно нужно избить или искалечить, а можно просто всем вместе хорошо поиграть. Одни не должны бояться других и могут позволить друг другу свободу. Благодаря общему опыту справедливой или «приличной» игры люди в конечном счете решились и в суровой жизни распространять ее главные элементы – правила, объективных судей и стремление к справедливости. Тем не менее когда дело касается жизни и смерти, то это совсем не просто, и общество может быть свободным только тогда, когда все это по-

нимают и все вместе к этому стремятся. Свобода никогда не бывает идеальной, над ней постоянно надо работать. Каждый молодой человек должен вновь научиться в нее играть. Вовсе не случайно, что из дворянского воспитания игра перешла в английские школы, а также что и в американской системе образования баскетбол или крикет играют такую важную роль. Дело в том, что это и есть практическое обучение свободе, по крайней мере в ее состязательной, сопернической форме. А так как речь идет о коллективных играх, то игроки здесь также учатся кооперироваться, как этого всегда и требует человеческая жизнь.

* * *

Пространство свободы, ограниченное правилами, является открытым. То, что мы в нем все же *принимаем решения*, а не бросаем вместо этого монетку, говорит о том, что оно произвольное. Именно здесь осуществляются человеческие действия, нищенская «свобода не от чего, а для чего», которая, конечно же, не поддается никакому описанию при помощи каких бы то ни было правил. Мы руководствуемся в них самыми разными интересами – от сплошь эгоистических и близоруких до аристотелевского «стремления к лучшему» или «благой жизни». И для этого сегодня нужно многое знать, например, конкретно в медицине, но никакое знание никогда не снимет с нас бремя принятия решений. Ведь именно в этом и состоит величие человека – величие конечного существа, свободного в принятии своих решений.

(18.03.2003)

Перевод с чешского: *Екатерина Тоуркова*